

«МОЯ ВТОРАЯ РОДИНА»

рых оперных театрах Италии. Она приехала в Москву в качестве дублерши Ренаты Скотто — исполнительницы партии Лючии в опере «Лючия ди Ламмермур». Пребывание в Москве «на всякий случай» было ей в тягость. Да и как могло быть иначе! Ее товарищи работали, а она только завтракала, обедала, ужинала и... ждала.

Между тем прошел первый спектакль, за ним — второй, третий. Скотто была в превосходной форме. Она пела блестяще, и своим искусством покорила москвичей, по достоинству оценивших ее голос, талант, мастерство... Маргарита загрустила: неужели она так и не споет?!

Она уже примирилась с этой мыслью, как вдруг... О, пресловутое актерское счастье! Как оно случайно и изменчиво!..

— Синьорина, завтра вы поете Люцию, — сказали Маргарите в дирекции.

— Пресвятая мадонна!.. Я волновалась так, как никогда в жизни, несмотря на то, что внутренне готовилась к этому дню все время, — рассказывает Гульельми. — Подумать только: я буду петь свой дебют в «Ла Скала» на сцене Большого театра!.. И буду петь не в Милане, а в Москве!..

После сцены сумасшествия, едва опустился занавес, ко мне подошел наш дирижер Гиринолли.

— Браво, браво, синьорина! — сказал он и пожал руку.

Спектакль окончился, я пришла в свой номер. В нервном изнеможении долго стояла, не раздеваясь, у окна, и все смотрела на ночную Москву, и плакала. На душе было легко и радостно. Но радость омрачалась одиночеством. Это ужасно, когда в такой момент никого из родных нет рядом...

...А через несколько дней Маргарита Гульельми участвовала в заключительном концерте в Кремлевском Дворце съездов. Она пела арии Лючии и Розины. Прелестный голос, обаятельная манера исполнения, легкость, с которой певица преодолевала виртуозные трудности, сразу же нашли отклик в сердцах слушателей. Артистку наградили бурными аплодисментами, без конца вызывали, требовали повторения...

— Ах, какая у вас публика! — говорит Маргарита, вспоминая свое прощальное выступление в Москве. — Маньфико!.. Великолепная!.. Какая она чуткая, доброжелательная!.. Мне хотелось быть в сто раз голосистее и в двести раз выносливее, чтобы петь и петь, петь без усталости и пением отблагодарить эти шесть тысяч восторженных слушателей!

А теперь я буду мечтать снова приехать на свою вторую родину. Ведь Москва стала моей второй родиной. Именно здесь, в Москве, я родилась как солистка «Ла Скала»...

Маргарита умолкает и еще сильнее прижимает мишку к груди.

А. ЛЕСС.

НА СНИМКЕ: МАРГАРИТА ГУЛЬЕЛЬМИ

Фото А. ЛЕССА.

Д. ПРОВОЖАЛ группу артистов театра «Ла Скала» в аэропорт Шереметьево. В длинном экспрессе-автобусе, похожем на железнодорожный вагон, слышалось «brigo» итальянской речи, раздавались смех, шутки: артисты увозили трогательные воспоминания о двадцати восьми днях, проведенных в Москве.

И каждый увозил частицу общей творческой радости и счастья.

Но счастливее всех была, пожалуй, молодая певица Маргарита Гульельми. Она сидит у окна и, не отрывая глаз, смотрит на Москву. Смотрит так пристально, так внимательно, словно хочет на всю жизнь запомнить облик ее домов и улиц, унести с собой ее аромат, в последний раз насладиться золотом и багрянцем ее деревьев.

Маргарита держит на коленях громадного деревянного медведя, она не смогла решиться сдать его в багаж.

— Синьорина, — обращаюсь я к ней, — да поставьте вы вашего мишку куда-нибудь на пол, ну хоть вот в этот угол!.. Ничего с ним не случится... Вам же неудобно...

— No! — решительно отвергает она мое предложение. — No!.. Это — самый дорогой подарок, который когда-либо был у меня... Мне подарили его ваши студенты-химики, я пела им неаполитанские песни!..

И она прижимает мишку к груди.

...Два года назад Маргарита Гульельми была принята в труппу театра «Ла Скала». Но за это время она не спела на его сцене ни одного спектакля, хотя до поступления в «Ла Скала» с успехом выступала в некото-